

В.Э. ТУРЕНКО*НПУ имени М.П. Драгоманова, Киев***К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ЛЮБВИ С КОМИЧЕСКИМ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ И ЭСТЕТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ**

В статье на основе классических трудов и современных философских студий анализируются аспекты связи любви с комическим. Автором для более полной картины анализа вопроса предлагается его рассмотреть через призму не только эстетического дискурса, но и историко-философского. На основе эстетических работ российских и зарубежных исследователей проясняются как общие так и отличные черты комического и любви. *Ключевые слова:* жизнь, комическое, любовь, смех, трагическое, человек, философский дискурс, эстетика.

«Проблема Другого и любви стоит в центре комического»

Ж. Лакан

Актуальность исследования обозначенной темы состоит в том, что идея любви в наше время претерпевает колоссальные трансформации, что сопровождается фактически с «гонениями на идею любви» (И. Ильин) и с тем, что «любовь отождествляют с отбросами человеческих чувств» (С. Булгаков). В итоге, это может создать ложную картину понимая идеи любви, ее смысла в мире и жизни каждого человека. В истории человечества к любви относились с таинственной уважением, иногда со страхом, переживаниями, но слишком редко как к чему-то смешному, комическому - возможно, иронически относились к любви, к влюбленным, однако в историко-философской мысли довольно редко можно найти текст, в котором любовь именовалась чем-то смешным и т.п. На помощь этому вполне может прийти эстетическая теория.

Научные исследования, посвященные феноменам комического и любви Р. Барта, Ю. Борева, Д. фон Гильдебранда, Б. Дземидока, Г. Завалько, В. Карасева, Ж. Лакана, Т. Любимовой Т. Рюминой и других стали для нас теоретико-методологической базой данного исследования, однако комплексный и систематический анализ связи комического с любовью у них фактически отсутствует.

Следовательно, целью данного исследования является попытка проанализировать вопрос связи любви с комическим. Поставленная цель требует выяснения следующих задач: исследовать возможность связи любви с комическим через призму историко-философского дискурса; прояснить на эстетическом уровне общие и расхожие черты любви с комическим.

Сразу же стоит сказать, что под «комическим», мы понимаем эстетическую категорию, которая характеризует смешные, ничтожные, нелепые и безобразные стороны действительности и духовной жизни. Одной из

таких действительностей и аспектов духовной жизни является, безусловно, любовь. Стоит также отметить, что, «в истории эстетической мысли существует большое разнообразие определений комического, которые исходят из противопоставления трагическому, возвышенному, серьезному, совершенному, трогательному, нормальному либо из его объекта или состояния субъекта (переживания, эмоции — от гомерического хохота до легкой улыбки)» [1] .

Прежде чем начать собственно исследование необходимо подчеркнуть целесообразность его. Ведь как пишет Ж. Лакан: «Итак, я утверждаю, что именно в любви достигает классическая комедия своей вершины. Любовь - она здесь. Забавно, что все мы смотрим теперь на любовь исключительно сквозь всякого рода приглушающие ее цвета романтические очки, в то время как на самом деле любовь - это, по сути своей, источник комического. Именно поэтому и является Арнольф подлинным влюбленным -куда более подлинным, чем пресловутый Гораций с вечными его колебаниями. Именно оттого, что слово любовь воспринимается теперь в иной, романтической перспективе, так трудно нам стало создать о ней ясное представление. И это факт: чем больше эту пьесу играют, чем больше исполнители роли Арнольфа стараются из нее выжать, тем больше трогает это сердца зрителей, говорящих себе: Сколь глубок и благороден этот Мольер! Мы смеемся над его пьесами, а они должны были бы вызывать у нас слезы! Комическое в глазах людей едва ли совместимо теперь с аутентичным, всепоглощающим проявлением любви как таковой. И, тем не менее, настоящая любовь, та, которая в себе признается и о себе заявляет, -эта любовь комична» [2].

Любовь и комическое: историко-философский контекст

Первоосновой понимания связи любви с чем-то комическим/смешным, есть то, что, по слову Гесиода, Афродите принадлежит «любовный шепот, смех и улыбка» [еог.205] [3]. Гесиод пишет также, что кроме эпитета «Киприды» также называют «улыбколюбивой» [Theog. 200]. Это не случайно, судя по этому моменту, уже в раннюю античную эпоху, людьми осознавалось то, что именно любовь приносит наибольшую радость и искреннюю улыбку в жизни людей, а эта радость, улыбка наполняет наши сердца, души, а главное смысл нашего существования в этом мире. В связи с этим, можно вспомнить даже из жизни такие знакомые нам фразы как-то, что «с первого взгляда, с первой улыбки» начинается история любви, а также, когда мы говорим в адрес лица противоположного пола: «какая(ой) же ты смешная(ой)!»

Если любовь не связана со смешным, то с комическим, по мнению выдающегося древнегреческого философа Платона, такая связь является непосредственной. Так в диалоге «Филеб» мыслитель фактически говорит о том, что как любовь сочетает в себе страдания и удовольствия так же и комическое (смешное) вбирает оба эти феномены [Phileb. 47e, 50b]. Действ

вительно, любовь не является чисто страданием, болью, мукой и не является абсолютной радостью, улыбкой, они - это два «крыла», без которых она не может именоваться любовью. Любовь всегда амбивалентна, она не может быть» с одним крылом»; фундаментальную же ее амбивалентность показал Платон в другом своем диалоге, «Пире» [Symp. 203c - 204a] .

Также Платон в «Филебе» говорит о том, что смешное то, что слабое, а потому слабый человек, когда стремится быть сильным, что вызывает у окружающих смех и чувство комического [Phileb. 49e]. Ролан Барт, будто объясняя читателю, что имел в виду древнегреческий мыслитель, прямо указывает на смехотворно поведение субъекта дискурса любви: в структуре Другого (ведь Другой всегда обладает своей структурой жизни, к которой я не включен) есть что-то смехотворное: я вижу, как Другой упорно следует одним и тем же жизненным привычкам; наблюдаемый сбоку, он кажется мне застывшим, вечным (вечность можно представить себе смешной) [4], поэтому действительно был прав Аристотель когда писал, что смешная маска является чем-то уродливым и искаженным, но без боли [Poeth. 1449a].

После Платона до И. Канта фактически мы не можем найти философских сентенций в западноевропейской мысли, связанных с комичностью любви (любящих). Так, в частности, в своей работе «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» основатель немецкой классической философии говорит о том, чем отличается история любви и чувства от увиденного любви в трагедии или в комедии. Немецкий мыслитель замечает, что «трагедия, на мой взгляд, отличается от комедии главным образом тем, что первая возбуждает чувство возвышенное (выше мыслитель относит к этому дружбу), а вторая - чувство прекрасного (любовь). В первой, перед нами выступает великодушное самопожертвование для блага других, отважная решимость в опасностях и испытанная верность. Любовь там печальная, нежная и полна глубокого уважения, несчастье же других побуждает в душе у зрителя сочувствие, чужое горе заставляет сильнее заставляет сильнее биться великодушное сердце. Зритель тронут и чувствует благородство своей собственной натуры. Комедия, же наоборот, изображает тихие интриги, забавную путаницу, остряков, умеющих выпутаться из всякого положения, глупцов, позволяющих себя обманывать, скупые и смешные характеры. Любовь здесь не так ясна, она веселая и непринужденная. Тем не менее, и здесь благородное может сочетаться с прекрасным» [5].

Словно продолжая мысль немецкого мыслителя, французский философ Ж. Лакан в тексте одного из своих семинаров говорит, что же собой представляет комедия со времен древнегреческого комедиографа Менандра «Она выводит на сцену героев, каждый из которых зациклен, обычно с замороженным упрямством, на каком-то одном метонимическом объекте. Здесь встречаются любые человеческие типы. Персонажи тут те же, что

хорошо знакомы нам по комедии-дель-арте. Характеризует каждого из них определенное отношение к объекту. Вторжение сексуальных отношений оказалось заменено чем-то другим. Это другое - любовь. Любовь, собственно, и носящая это имя - любовь, которую мы назовем наивной, простодушной; любовь, объединяющая двух молодых людей, как правило, довольно безликих. Она-то и становится стержнем интриги. Любовь служит осью, вокруг которой комические ситуации разыгрываются. И продолжается это вплоть до появления романтизма, который мы оставим пока в стороне» [6].

Следовательно, для историко-философского дискурса, связь любви с комическим очевидна. Дискурс любви, согласно мнению вышеуказанных мыслителей, может вполне быть наполнен смешными, наивными, простодушными ситуациями, что создает ее веселость и непринужденность в отношениях. Однако, эти ситуации не делают дискурс любящих как легкое и мимолетное чувство, наоборот, они наполняют глубоким и подлинным смыслом их взаимоотношения.

Любовь и комическое: общее и отличное

Рассмотрев историко-философский контекст вопроса о связи любви с комическим, нельзя не проанализировать его через эстетический дискурс. Русский исследователь Г. Завалько в своей работе «Философские проблемы эстетики» подчеркивает: «Если сущность трагического (*как антипода комическому* - В.Т.) понималась философами сходно, и дискуссии велись лишь о его происхождении, то в понимании комического единства не было и нет» [7]. Это мы увидим и рассматривая возможность/невозможность связи любви с комическим в эстетическом контексте.

Так, французский философ А. Бергсон в фундаментальной работе «Смех» фактически говорит о невозможности связи любви и комического. Ведь, по его мнению, комическое связано с толпой, превалированием разума над чувствами [8]. Любовь же, напротив - в первую очередь, глубоко интимное, индивидуальное чувство и главное в рамках ее дискурса - не рассудок, не разум, а чувства. Вместе с тем, относительно возможности единства комического и любви говорит то, что комическое связано с парадоксальностью, несоответствием. К примеру, российский исследователь данной эстетической метакатегории Л. Карасев отмечает, что парадоксальность является онтологической характеристикой комического [9]. Любовь тоже есть, по сути, парадоксом, вся история любви является таковой. Ведь удивительно, парадоксально, таинственно, что именно эта личность стала для меня смыслом жизни. Уникально вообще, как говорят влюбленные то, как они друг друга нашли. Несоответствие в рамках любви заключается в том, что каждая история любви не отвечает, то есть не повторяет другую, каждая своего рода неповторимая и несравненная, и в этом также парадоксальность любви: любовь всегда одна и та же, но различна в судь

бах человеческих. И, возможно, некая история любви в глазах других может выглядеть комично, несуразно, наивно.

Далее, мы проследим схожесть и различие основных характеристик комического (выделяемые большинством зарубежных теоретиков комического) с онтологией и дискурсом любви:

Принцип «безвредного и безболезненного». Любовь - никогда на самом деле не может принести вреда, однако боль может сопровождать почти всю историю любви (или время от времени). Любовь в отличие от комического несет с собой боль и сострадание за Другого, за любимую личность. Также нужно отметить, что русский исследователь Л. Карасев пишет: «смех не может быть источником зла, хотя его постоянный контакт со злом и способен вызвать подобную иллюзию» [10]. Любовь не может быть связана никак со злом, если и возникают какие-то проявления злого - обиды, зависть, ревность, непросщение, то это исключительно из-за отсутствия любви.

Феномен неожиданности; функцию комического как «разрушителя стереотипов. Такое понимание природы комического исходит еще из концепций комического Т. Гоббса и И. Канта, где первый говорит, что «внезапность» есть третьей предпосылкой для возникновения смеха [11], а второй пишет, что «смех — это аффект, возникающий из внезапного превращения напряженного ожидания в ничто» [12]. С этими мнениями согласен и известный теоретик комического Б. Дземидок [13]. Впрочем, мы не можем согласиться с этим, ведь Аристотель в «Поэтике» говорит, что трагическое тоже может быть неожиданным: «[трагедия] есть подражание действию не только законченному, но и [внушающему] сострадание и страх, а это чаще всего бывает, когда что-то одно неожиданно оказывается следствием другого...ведь и среди нечаянных событий удивительнейшими кажутся те, что случились как бы нарочно...» [Poet. 1442a1-5]. В любом случае, любовь - всегда с нами «случается», мы никогда не знаем, когда она к нам придет. Как писал классик русской поэзии А.С. Пушкин «любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь», Любовь тоже разрушает стереотипы, ведь то, что укладывается в логику одной истории любви не может быть перенесено или оценено с точки зрения другой истории любви.

Его роль в выявлении нарушений определенных ценностей, норм; любовь как и комическое разоблачает нарушения определенных правил и обычаев. В связи с этим, Б.Дземидок говорит, что комическое является великим посредником в деле отличия истины от лжи [14]. Любовь же лишь там где истина, подлинность, искренность, правда. Ведь верно замечает русский мыслитель В. Розанов, что единожды солгав любимой личности равносильно тому, что сказать: «я меньше люблю тебя» или вовсе перестал любить [15].

Следовательно: «существенным для любой любви является то, что любимый человек воспринимается как нечто прекрасное, драгоценное,

достойное любви. Если человек для меня лишь полезен, если я могу употребить его качества с пользой для себя, то в этом случае отсутствуют предпосылки любви. Необходимая для любой любви жертвенность - будь то родительская любовь, любовь детей к родителям, любовь к друзьям или супружеская любовь - с необходимостью предполагает, что близкий человек представляется нам чем-то чрезвычайно ценным, прекрасным - объективно достойным любви. Любовь - К это ценностный ответ.

Еще Аристотель заметил, что истинная дружба возможна лишь на основе добра, поскольку только в этом случае нас интересует в другом человеке его личность: и в этом ярко проявляется природа любви как ценностного ответа. Внутренняя заинтересованность любви существенным образом связана с личностью человека; в ней полностью тематизировано его существование, все его существо. Если же человек только полезен мне в каком-либо отношении, является источником удовольствия, развлечений, как таковой не тематизирован полностью, - я не люблю его» [16].

1) его конкретно-историческая обусловленность; Как и комическое любовь тоже исторически обусловлена. То, что было смешным в эпоху античности или средневековья, уже не смешно в эпоху постмодерна и наоборот то, что смешно в XXI веке, не было комичным в V веке. Любовь - есть дитя истории, и понимание первой напрямую связано с историческим процессом. Менялись эпохи, периоды в истории, а вместе с этим и культуры любви - платоническая, христианская, романтическая, куртуазная, пост романтическая. К примеру, «правила куртуазной любви» А. Капелануса практически несовместимы с принципами постромантической (конфлюентной) любви Э. Гидденса. Известный западный мыслитель У. Бек в своей работе «Обычный хаос любви» отмечает, что фактически понимание любви обществом менялось параллельно с историческим процессом. Немецкий философ, основываясь на марксистской теории истории, пишет, что понимание любви менялось от трансформации роли женщины и мужчины, вообще семьи в том или ином общественном строе - рабовладельческом, феодальном, индустриальном, постиндустриальном и т.п. [17]

2) представление о нем (комическом) как о сложном синтезе эмоционального, ценностного и познавательного моментов. Особенно хотелось бы остановиться на последнем, так как с эмоциональным контекстом комического, в принципе все более/менее ясно, а ценностный компонент мы рассмотрели в пункте третьем. По мнению польского исследователя Б.Дземидока: «и в самом деле, познавательные возможности комического не вызывают как будто сомнений. Многие теоретики именно в познавательном удовлетворении усматривают наслаждение, которое доставляет восприятие комического. На это недвусмысленно указывает Кухарский, для которого «комическая улыбка - признак удовлетворения нашими познавательными способностями», Этого взгляда придерживаются все те исследователи, для которых принципиальным моментом в

познании комического должно быть решение какой-либо неожиданно возникшей загадки» [18].

Такой экзистенциал человеческого существования как любовь тоже является не просто чувством, эмоцией, а вбирает в себя и ценностный и познавательный аспект. Любовь тоже стремится познавать, и в какой-то мере оценивать, но не в корыстном аспекте, а в том, чтобы оценить всю глубину и высоту предмета своей любви. В этом смысле есть явная схожесть с любовью, поскольку она «представляет собой значительную силу, приводящую в движение абсолютную энергию каждой из высочайших ценностей человеческой жизни: энергию истины и познания, красоты и свободы, доброты и счастья. Следовательно, любовь к истине делает поиск истины более действенным, радостным и неутомимым, чем погоня за истиной, принудительно навязанная или обусловленная договором.

Большинство достоверных истин человечества открыто, скорее, благодаря любви к истине, чем благодаря принуждению или обязательству. Любовь к истине не только стимулирует научные открытия, изобретения, философские и религиозные истины, но также прямо способствует нашему познанию и эрудиции. Благодаря сопереживанию, общению и участию в опыте всех, кто любим, любовь чрезвычайно обогащает наш бедный индивидуальный опыт. Этот сочувственный, сопереживающий, любящий путь обучения является, возможно, одним из самых надежных и эффективных методов познания и самым плодотворным путем к истине и знанию. Любовь в данном случае преобразует себя в истину и знание. Этими двумя путями энергия любви значительно усиливает энергию истины и знания» [19].

Согласно С. Шуману, польскому теоретику комического: «нет смеха без удивления, а удивления вне познавательной сферы. Источником удивления и как вторичного явления—смеха—бывает обычно какая-то неожиданная мысль или новый подход к знакомой уже проблеме, появление в поле зрения чего-то нового или старого в новом обличье, обнаружение не замеченного до той поры сходства и внезапная ассоциация в сознании и в фантазии элементов действительности, до той поры не ассоциированных» [20]. В этом плане любовь очень схожа со смехом, поскольку она также невозможна без удивления. Когда я впервые встречаю потенциальный предмет своей любви, я удивляюсь, восхищаюсь этому; а порой бывает так, что видишь человека несколько лет подряд в той или иной ситуации и в один какой-то из дней ты вдруг начинаешь смотреть на эту личность совсем по-другому. Как будто пелена спала какой-то каменности, заскорузлости сердца и в тот миг, по словам О. Клемана, «срываются все маски» с человека, и он становится таким, каким он есть перед любимой личностью.

Любопытные мысли о познавательной роли комического высказывает и Бой-Желенский. В смехе он видит своеобразный познавательный акт.

«Это род восприятия, сходный с обычным строем нашего мышления, приближенный, может быть, к восприятию ребенка, целиком и полностью эмоционального». «При восприятии тех форм комического, где коренится какая-то логическая ошибка, смех - согласно мнению Бой-Желенского -служит подтверждением того, что мы эту ошибку заметили и постигли при этом в некоем сокращенном варианте длинную цепь умозаключений. Мы мыслим в такую минуту не мозгом (как это делаем обычно), но всем нашим эмоциональным строем; мы мыслим телом, как мыслит ребенок. Или, можно еще сказать, мы мыслим музыкально: ведь музыкант, чтоб уловить фальшивую ноту, не пересчитывает колебаний воздуха» [21].

Таким образом, проанализировав связь любви комическим через призму историко-философского и эстетического дискурсов, можно сделать следующие выводы:

- 1) В историко-философском дискурсе, любовь связывали с комическим еще со времен античности. Стоит отметить, что мыслители в этой связи видели не столько легкость и мимолетность чувства любви, а наоборот, то, что это наполняет глубоким и подлинным смыслом их взаимоотношения.
- 2) На эстетическом уровне любовь с комическим связана с тем, что обе они есть «неожиданностями», конкретно-исторически обусловлены, и в них заключено единство эмоционального, ценностного и познавательного аспектов. Вместе с тем, есть ряд отличных черт комического от любви, что дает понять и объяснить сложность и многосторонность как первого так и второго феномена в мире и жизни каждого человека.

* * *

1 Любимова Т.Б. Комическое / Т.Б. Любимова / Новая философская энциклопедия. В 4 тт. Т.2. - М.: Наука, 2010. - С. 277

2 Лакан Ж. Лакан Ж. Семинары. Книга 5. Образования бессознательного. -М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». 2002. - С160-161.

3.Цитирование античных писателей и мыслителей производится по общепринятой международной пагинации.

4.Барт Р. Фрагменты мови закоханого. - ЛьвІв: Культуролопчний журнал «І», 2006. - С.175.

5.Кант. И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного / И. Кант. Сочинения в 6 тт. Т.2. - М.: Мысль, 1964. - С132.

6.Лакан Ж. Семинары. Книга 5. Образования бессознательного. - М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». 2002. - С158.

7. Завалько Г. А. Философские проблемы эстетики. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. - С.133.

8. Бергсон А. Смех / А. Бергсон / Французская философия и естетика XX века / Пер. с франц. И. Вдовиной. - М.: Искусство, 1995. - С.28.

9. Карасев Л.В. Парадокс о смехе / Л.В. Карасев // Вопросы философии - 1989 - №5 - С.50.

10. Карасев Л.В.. Философия смеха. - М.: Российский государственный гума-
11. Гоббс Т. О человеке / Т. Гоббс / Сочинения. Т. 1. - М.: С. 250.
12. Кант И. Критика способности суждения / И.Кант.С. 207.
13. См.:Дземидок Б. О комическом / Пер. с пол. - М.: Прогресс, 1974 . - С. 35
14. Дземидок Б. - С. 149.
15. Розанов В. Уединенное. - М.: Политиздат, 1993 - С. 66.
16. Гильдебранд Д. фон. Метафизика любви / Пер. с нем.А.И. Смирнова. - СПб.: Алетейя, 1999. - С. 35.
17. Daglish E. L. The Future of Intimate Relationships: A small-scale, British, Sociological Study of the Attitudinal Changes towards Intimate Relationships (such as love and casual sex) between Young Adults. - UNIVERSITY OF LEEDS, BA (Hons) Sociology, 2011. - P.11
18. Дземидок Б. - С. 149.
19. Сорокин П. Таинственная энергия любви / П. Сорокин // Социологические исследования - 1991 - № 9 - С.149.
20. Szuman S. O dowcipie i humorze, Lwow, 1938. - S.3

